

«УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается отношение различных течений русской общественной мысли к так называемому украинскому вопросу. Отмечается, что до конца 1860-х гг. малорусы (украинцы) рассматривались только как объекты борьбы с полонизмом. Показана трансформация восприятия в русской публицистике деятельности малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка. Выделяются существенные различия в видении перспектив национальных процессов в западных и юго-западных регионах Российской империи: негативное отношение славянофилов и имперцев к признанию самостоятельности украинской этничности и готовность либералов и народников-реформаторов признать украинцев состоявшейся нацией, но без претензий на политическую самостоятельность.

Ключевые слова: украинофильство; полонизм; обрусение; славянофилы; имперцы; либералы; народники-реформаторы.

«Украинский вопрос» формировался в русской общественной мысли XIX в. как производный от «польского вопроса» и акцентировался первоначально на борьбе с полонизмом в Западном крае.

Обращаясь к польской проблеме, И.С. Аксаков всегда сосредотачивал внимание на русских землях, собственно польские земли его интересовали мало. Основной проблемой польско-русского противостояния славянофилу виделись притязания польской шляхты на, как он считал, исконно русские земли. Публицист убеждал читателей в необходимости воспринимать требования поляков не только как территориальные притязания, но и как покушение на единство русского народа, на его коренные национальные интересы. Проблема не должна была рассматриваться как местная – белорусская или украинская, а исключительно как общерусская. Он не видел различий между ситуацией в любом малорусском городе или селе с ситуацией в великорусских губерниях. Не было малорусского вопроса – был только общерусский. То есть И.С. Аксаков рассматривал украинцев и белорусов не как этносы, а только как неотъемлемую часть общерусского. «Край этот Русский, Русский и Русский! В нем нет разных национальностей и вер; в нем есть только один хозяин – Русский народ; одна господствующая национальность – Русская, которой вера – православие; прочие национальности и веры – Польская, жидовская, Латинство и Моисеев закон могут быть в ней допущены и терпимы на правах чужестранных гостей, но не могут иметь притязаний на хозяйское место» [1. С. 177].

Претензии поляков строились на историческом праве и апелляции к государственным и международно-правовым актам прошлого. И.С. Аксаков считал их давно утратившими какую-либо силу. Но дело было не в юридической значимости норм и договоров, а в ошибочности и бесперспективности самого подхода поляков к проблеме. Славянофил предлагал перевести рассмотрение польского вопроса из сферы государственного противостояния в сферу межнациональных отношений. Поляки как любой народ имели безусловное право на национальный суверенитет, не только культурно-языковой, но и политический, но в границах польских этнических земель. Тогда и русский народ имел право на единство в рамках своего естественного расселения. С этой точки зрения стремление русских к

единству трех его ветвей – великорусской, белорусской и украинской – справедливо и морально оправданно, а претензии поляков на исконно русские земли безнравственны. Славянофил призывал польскую элиту обратиться к истинным национальным интересам – воссоединению польского народа и обещал моральную поддержку русского народа. Как национальную проблему он готов был рассматривать выделение исконно польской территории из состава России [2. С. 34, 35].

Беспомощность и равнодушие правительства к судьбе западных русских земель привели к тому, что по прошествии длительного времени они остались под влиянием поляков. Русификация, проводимая исключительно административными мерами, не дала результатов. Аксаков предлагал говорить скорее о полонизации Западного края [3. С. 17, 18].

Русификацию он трактовал исключительно как устранение польского влияния в русских землях, но не обрусение самой Польши. Собственно противостояние Польши и России виделось ему как столкновение двух национальных сил. Поэтому административные меры неспособны были изменить ситуацию, на вызовы польского национализма адекватно мог ответить только русский национализм. Славянофил вынужден был признать, что пока (в 1863 г.) польский национализм действовал в Западнорусских землях успешнее [4. С. 152]. Следовательно, необходимо было использовать потенциал русского общества, обратившись к национализму. Надежду на обрусение Украины и Белоруссии публицист связывал с простым народом, в отличие от опоячавшейся местной элиты, сохранившим связь с русскими корнями и православием [5. С. 14].

Политику обрусения Западного края И.С. Аксаков трактовал как возвращение его к традиционному, нормальному развитию в лоне русской православной цивилизации. Эти земли были русскими не только по происхождению, но и по сохранению значительной частью населения русских корней. В результате монгольского нашествия русские земли были разобщены и западные попали под воздействие полонизации как насильственного подавления русской духовности и внедрения чужеродной – польской. Славянофил выделил три фактора полонизации: католическая церковь, польская цивилизация и монополия польской шляхты на землевладение. Именно воздействие этих факторов,

по мнению И.С. Аксакова, необходимо было нейтрализовать, чтобы создать условия для реанимации русской цивилизации [6. С. 499]. Но только административными методами этого достигнуть было нельзя, необходимо было постоянное воздействие великорусского национализма. В то же время решение задачи невозможно было и без внятной национальной политики правительства. Другое дело, что она носила имперский, а не национальный характер. Это И.С. Аксаков считал главным ее недостатком. Он категорически возражал против проповедования в русской прессе необходимости отказа чиновников от национальной принадлежности в пользу имперской нейтральности. Русская национальная идентичность у чиновников должна присутствовать столь же ярко и определенно, как и в среде интеллигенции и простонародья. Только тогда они смогут быть проводниками национальной политики в интересах русского народа, в том числе русских людей в Западном крае [7. С. 159].

Рассуждения И.С. Аксакова достаточно противоречивы. Он был убежден в сохранении у большей части простого народа в Западном крае связи с русскими корнями, но при этом вынужден был признавать недейственность мер обрусения, проводимых русским правительством, подчеркивая неспособность нейтрализации полонизирующих факторов. Но одновременно возникал вопрос: может быть, польская цивилизация проникла глубже, чем он предполагал, или русские корни были утрачены?

Кроме того, И.С. Аксаков оговаривал, что речь не идет о простой замене местной (украинской) культуры и традиций великорусскими, но готов был рассматривать их только как локальный фольклорный феномен [6. С. 502, 503].

К украинскому народу И.С. Аксаков питал братские чувства и призывал к поддержке «местной русской интеллигенции». Но тональность резко менялась, когда речь заходила о проектах автономии Украины под эгидой Польши или Австрии. Такие варианты славянофил считал предательством интересов русского народа. Он всегда трактовал их авторство польским, как результат полной полонизации местной элиты – интеллигенции, помещиков – и отрицал их право говорить от имени украинского или белорусского народа, видя в подобных выступлениях исключительно проявление польской национальной экспансии и попыток сохранить польское культурное и религиозное доминирование [8. С. 484, 485, 490].

Отношение И.С. Аксакова к украинофильству со временем заметно ужесточается. В работах 1860-х гг. он воспринимал данное направление как движение украинской интеллигенции за сохранение малорусского языка и культуры и относился к нему в целом благосклонно, видя союзника в борьбе с полонизмом. В формировании украинского национального движения, позиционировавшего украинский народ как родственный, но отличный от великорусского, И.С. Аксаков увидел угрозу проектам русификации Западного края как реализации плана по формированию «большой русской нации» [9. С. 600, 601].

В его работах 1870–1880-х гг. деятели украинского движения становятся «агентами польско-украино-

фильской партии», чаще всего состоящими на содержании Австрии и имевшими целью внести раскол в становление единства русского народа, ослабить влияние России на славянство. Особенно негативным было отношение к носителям идей федерализма или автономии – М.П. Драгоманову и П.А. Кулишу [10. С. 563, 564].

Попытки создания украинского литературного языка рассматривались И.С. Аксаковым как абсолютно бесплодные, и он не видел «никакой надобности препятствовать бесплодной и смешной забаве сочинять и издавать сочинения и переводы на малороссийском крестьянском говоре» [9. С. 608].

В.И. Ламанский был абсолютно с ним солидарен, подчеркивая, что русский литературный язык – плод всего русского народа (включая малорусов и белорусов). Поэтому отдельный малорусский литературный язык невозможен. Но невозможность малорусского литературного языка не исключала литературной обработки малорусского наречия. Рядом с общерусской литературой может существовать малорусская словесность [11. С. 631].

При всей своей тяжести борьба малороссов с поляками опиралась на общие для Великой и Малой Руси и выработанные совместными усилиями литературный язык, литературу и образованность, которые, несмотря на недостатки, превосходят польский потенциал в данных областях [Там же. С. 617]. Противоборство малороссов и поляков В.И. Ламанский трактовал как часть борьбы польской и русской наций. Ассимиляционный потенциал нации и ее способность противостоять внешнему давлению определялись сравнением потенциала культурного и литературного – у кого он выше, тот и победит.

В оценке ситуации в Западном и Юго-Западном крае М.Н. Катков был близок к славянофилам. Он считал, что благодаря неудачной политике русских властей и слабому национальному самосознанию проживавшее там русское большинство подавлялось польским меньшинством. Но неприятие и активное сопротивление русского крестьянства восстанию 1863 г. порождало надежду на подъем русского национализма.

В то же время М.Н. Катков негодовал по поводу отсутствия существенных перемен в политике царской администрации. Когда восстание затихло, все вернулось на свои места, русские крестьяне, боровшиеся с польскими агитаторами и показавшие лояльность правительству, вновь оказались под властью сочувствовавшей восстанию шляхты. Поэтому публицист настаивал на необходимости извлечь уроки из происшедших событий и путем конфискации земель у замешанных в восстании польских помещиков изменить ситуацию [12].

М.Н. Катков полагал, что в результате поражения в восстании польский элемент в Западном крае значительно ослаб. Польское дворянство, бывшее опорой сопротивления России, не жалело средств на борьбу и, надеясь на победу, закладывало имения, что вместе с проводимыми правительством принудительными продажами имений участников восстания могло подорвать монополизм польской шляхты в землевладении. Но если И.С. Аксаков настаивал на оказании помощи крестьянам, то М.Н. Катков видел необходимость в увеличении числа русских помещиков. То есть социальной опорой обрусения у И.С. Аксакова был народ, у М.Н. Каткова – дворянство.

Для победы над польской интеллигенцией в крае необходимо было создать русскую интеллигенцию. Только если образованное население края станет русским, возможна будет замена польского языка в системе образования русским. Под воздействием русского дворянства возможна реанимация православия. Пока же складывалась парадоксальная ситуация, когда в части русского государства господствующее положение занимали поляки, а русские – «обслуживающее» [13].

В дальнейшем М.Н. Катков регулярно отслеживал ход переселения русских помещиков в Западный край, с каждым годом все более убеждаясь в неуспехе данного проекта [14]. В публикациях 1860-х гг. он с тревогой сообщал читателям об отсутствии значительных перемен в ситуации в Западном крае. Попытки администрации с помощью принудительных продаж имений соучастников восстания и привлечения в край русских помещиков ослабить польское господство не увенчались успехом. Польское общество осталось чрезвычайно консолидированным в борьбе с русским влиянием. Ни о каком примирении со стороны поляков не могло быть и речи. Противостояли же польскому обществу разрозненные чиновники. Русское общество как активная сила по-прежнему отсутствовало. Поэтому призывы к великодушью, звучавшие в русской прессе, он считал не только бессмысленными, но и вредными, так как они в данной ситуации означали бы капитуляцию русской нации перед польской. Необходима была система правительственных мер, в том числе экономических, направленных на поддержку русского помещичьего землевладения в крае. Следовало решительно заменять местное чиновничество русским [15].

Примирительная политика по отношению к полякам, утверждал публицист, будет возможна только когда у них проявится очевидное желание к сотрудничеству с русским правительством и мирному сожительству с русским народом. Пока же не следовало полагать, что все трудности закончились, и надо готовиться к длительной и упорной борьбе. Успех будет возможен только при условии консолидации всего русского общества. Только когда поляки поймут невозможность возврата Речи Посполитой, они будут готовы к диалогу с русскими. В свою очередь, это будет возможно, когда Западный край действительно станет русским [16]. Интонации М.Н. Каткова весьма схожи с самаринскими или аксаковскими. Речь у него идет о необходимости достижения единства русской нации через обрусение Западного края, т.е. восстановление здесь русского литературного языка, образования на русском языке, православной веры.

Реализацию аграрной реформы и развитие крестьянского землевладения М.Н. Катков считал важнейшей задачей, решение которой укрепит русские силы в крае, но в отличие от И.С. Аксакова публицист не видел в крестьянстве самостоятельную силу, способную противостоять польскому дворянству [17].

М.Н. Катков категорически отвергал попытки польского дворянства представить выступления крестьян в Западном крае против польского дворянства как холопский бунт, т.е. социальное движение. Он видел в этом попытку потерпевшей поражение шляхты запугать русское дворянство и добиться от него сословной

солидарности. Публицист считал, что в этих выступлениях проявилось пробуждение национального самосознания русских людей края, почувствовавших себя частью русской нации и поднявшихся на борьбу с польским национальным, а не социальным угнетением [18].

Приветствуя меры правительства по выведению русского крестьянства Западного края из-под влияния католического духовенства, М.Н. Катков не считал правильным оставлять его без контроля церкви. Видя в крестьянстве аморфную массу, легко поддающуюся влиянию, он предлагал передать полномочия православному духовенству, которое до формирования русской интеллигенции из русских землевладельцев будет выполнять задачи по ослаблению польского диктата [19].

Сообщая о плачевном положении православия в Западном крае, М.Н. Катков настаивал на неспособности церкви самостоятельно выйти из кризиса. Православная церковь всегда дистанцировалась от политической деятельности, поэтому в условиях доминирования католичества среди дворянства края она не могла эффективно защищать права православного крестьянства, в свою очередь неспособного к самоорганизации. Русская православная церковь также была слабым союзником в силу полного подчинения государству. Поэтому упреки церкви несправедливы и необходима целенаправленная государственная поддержка по восстановлению православия в крае [20].

Важнейшую роль в процессе обрусения должно было сыграть распространение русского языка в государственной сфере и образовании. Особую важность, по мнению М.Н. Каткова, в борьбе с полонизмом имело лишение поляков монополии в католической церкви. Для этого следовало развести понятия «поляк» и «католик». Перевод католического богослужения на русский язык стал бы первым шагом в этом направлении [21].

Принципиальный подход М.Н. Каткова к проблемам Западного края заключался в представлении о противоборстве двух национализмов – польского и русского. Население края – белорусские и малорусские крестьяне – воспринималось как аморфная и пассивная сила, не осознавшая своей национальной идентичности. Наличие белорусского и украинского национализма им категорически отрицалось. В украинофильстве он видел большую ошибку малорусской интеллигенции и украинофильского лобби в русской интеллигенции, поддавшихся на польскую провокацию.

Попытки Н.И. Костомарова и ведомых им украинофилов создать искусственно украинский литературный язык и внедрить его в систему образования публицист трактует как неумные действия людей, не представлявших последствия своих поступков. Деятельность украинофилов нарушала единство русского народа и объективно была на руку полякам, стремившимся ослабить Россию [22].

М.Н. Катков видел внезапно пробудившееся украинофильское движение прямым следствием «польской интриги». Поляки, стремясь доказать свои исторические права на Малороссию, подчеркивали ее коренное отличие от великороссии, в том числе в языке, что доказывало различные этнические корни двух самостоятельных народов. Публицист был глубоко убежден в единстве русского народа, проявлявшемся в общем

языке. Он доказывал читателям, что однородность языка у русских гораздо сильнее, чем во Франции или Англии. Наличие местных диалектов было результатом различий в исторической судьбе разных ветвей русской народности. Но стремление создать литературный малороссийский язык и вести на нем образование было результатом искреннего заблуждения части украинской интеллигенции, не понимавшей, что своими действиями они раскалывали единство русского народа и помогали столь ненавистным на Украине полякам. Велико-русский язык, настаивал М.Н. Катков, и есть общерусский, все же отличия от него – искажения в результате иностранного (польского) влияния [23].

Он искренне возмущался, когда его оппоненты пытались уравнивать значение малорусского и великорусского языков, провозгласив их «наречиями» общего русского языка. Публицист горячо убеждал читателей, что великорусский – это русский язык, а малорусский – это наречие [24].

М.Н. Катков, уверенный в незыблемости русского государственного единства, даже мысленно не допускал политической независимости Украины, а тогда, недоумевал он, если единая нация и государство, зачем нужны два языка? Деятельность Н.И. Костомарова по сбору средств на издание украинских книг он считал вредной, как если бы это был сбор средств в пользу восставших поляков [23].

Публицист, отвергая обвинения в излишних напаках на украинофилов, убеждал читателей в недооценке общественностью России опасности, исходившей от этого течения. Саму украинофильскую деятельность, направленную на создание украинского литературного языка и попытки открыть украинские школы, можно было снисходительно считать чудачеством небольшой группы интеллигенции. Но М.Н. Катков не сомневался в причастности к идее выделения украинского народа как самостоятельного «польской интриги». Он обращал внимание на то, что даже в самых умеренных вариантах речь идет о противопоставлении Украины России и необходимости выстраивания отношений между ними не только как межнациональных, но и как международных. Поляки, бывшие всегда угнетателями малорусского народа, стали позиционировать себя и малорусов жертвами агрессии русского самодержавия, выстраивая общую цель освобождения от него. Таким образом, вносился раскол между русскими, и украинофильство становилось союзником польского сепаратизма [25].

Между тем, подчеркивал публицист, национальности являлись результатом самостоятельной исторической жизни, формировавшей такие атрибуты национальности, как литературу и язык. Если за поляками данный статус признавался (хотя и утраченный в рассматриваемый период), то Украина, высказавшая в лице казачьих лидеров стремление к независимости, не смогла его реализовать. Это доказывало историческую несостоятельность подобных проектов. Украинский народ, став частью единой великой русской нации, сплоченной в «могучее политическое тело», обрел историческую перспективу, сохраняя культурную самобытность, нарушать которую М.Н. Катков считал вредным для развития России в целом [Там же].

Итак, в националистической литературе XIX в. сложились устойчивые и универсальные, как для славянофилов, так и для сторонников имперского направления, взгляды на судьбу коренного населения западных окраин Российской империи, которая рассматривалась в контексте русско-польского противостояния. В этом аспекте и славянофилы, и имперцы мыслили одинаково. Эти земли рассматривались не только как часть русского государства, но и как часть исторического ареала проживания русской народности. Малорусы воспринимались частью единого русского народа, и в отношении них обрусение означало возврат к историческим корням, т.е. отказ от национальных языков в пользу русского, возврат к православию (для католиков и униатов).

Российско-польские отношения в представлении российских либералов в 1860-е гг. зримо приобретают трехсторонний характер. Все чаще при обращении к этой теме акцентировалось внимание на судьбе русского населения западных и юго-западных областей империи. Тем более с началом формирования украинофильского движения малорусская национальная идентичность приобрела свою мифологию и идеологию, противопоставлявшуюся как польской, так и великорусской. Это заставило польских и русских интеллектуалов вносить коррективы в свои проекты относительно будущего данного региона. А.Н. Пыпин указывал, что колонизация Малороссии происходила через прямую экспансию польской шляхты в русские земли, но более всего посредством принятия западно-русской элитой католичества, польского языка, обычаев, культуры. В данном явлении он видел не «предательство своего народа», а результат воздействия более развитой польской культуры, бывшей частью европейского культурного ареала, на «простую» русскую культуру. Таким образом, носителями русских традиций и языка остались крестьяне и городские низы. Естественно, по прошествии нескольких столетий господства поляки воспринимали Малороссию как область исторического доминирования польской культуры. Далее А.Н. Пыпин соглашался с мнением М.П. Драгоманова, что в сохранении польского культурного доминирования в западных русских землях и после их вхождения в состав России виновна, прежде всего, царская администрация, посчитавшая более выгодным не менять характер общественных отношений [26. С. 185].

Между тем именно малорусская интеллигенция оказывала сильное сопротивление колонизации, не встречая помощи со стороны русской администрации. Воспитанная на польской культуре, она осознала свою особенность и поставила целью возрождение малорусской литературы уже вне польской традиции. Отмечая подобные явления, публицист предлагал рассмотреть обрусение Западного края с точки зрения сохранения и развития малорусской и белорусской культуры, языка, видя в этом более эффективное средство борьбы с польским влиянием [27. С. 185]. Будучи противником ограничений и запретов на использование польского языка в собственно польских землях, для Западного края он считал такую политику справедливой, но при условии альтернативного развития местных национальных языков. М.П. Драгоманов предлагал не просто

закрывать польские учебные заведения, но перепрофилировать их для обучения на белорусском и малорусском языках. Государство должно было создать условия для самостоятельности русских общественных элементов, распространив на Западный край свободу прессы и самоуправление, уже реализованные в великорусских губерниях. Таким образом, польское влияние сократится до пределов этнических польских земель и перестанет быть проблемой: «Вопрос польский ввиду всего того, становится совершенно ничтожным, теряет свои грозные проблемы, которые одни только и могли оправдывать чрезвычайные меры» [27. С. 185, 186].

Вне контекста польско-русских отношений украинский, или, точнее, малорусский вопрос занимал в либеральной публицистике и литературе достаточно много места, но по остроте дискуссий и политической значимости уступал польскому или славянскому. Он, собственно, никогда не рассматривался как политический вопрос. Малороссия воспринималась как историческая часть общерусского пространства и выход ее из состава Российского государства рассматривался только в связи с абсолютно не воспринимаемыми всерьез требованиями поляков о восстановлении Польши в границах 1772 г. Подозрения правительства и консерваторов по поводу сепаратизма украинофилов, т.е. украинской интеллигенции, либералами трактовались как не имевшие под собой реальной почвы. В результате обсуждения малорусских проблем сводились к разночтениям в генезисе малорусского и великорусского народов как частей русского народа. Второй дискуссионной проблемой был вопрос о перспективах малорусского языка и литературы.

Проблема перспектив существования малорусского языка в связи с задачей формирования общерусского продолжала дискутироваться в либеральной прессе и в 1870–1880-е гг., но трактовка проблемы ощутимо меняется.

Рассматривая спор между «южанами» и «северянами», А.Н. Пыпин акцентировал внимание не на доказательстве правоты какой-либо точки зрения, а на исходном положении, принимавшемся сторонами дискуссии – наличии двух родственных, но самостоятельных, исторически сложившихся народов, т.е. малорусов и великорусов. По мнению публициста, дискуссия носила преимущественно языковой характер и сводилась к поиску доказательств приоритетности одного из языков с точки зрения близости к славянским истокам. Для него же такая постановка вопроса объяснялась не поиском научной истины, а лжепатриотизмом.

Рассуждения о преимуществе великорусского языка, который единственный мог стать общерусским литературным языком, базировались в большей степени на том, что великорусский язык являлся государственным, малорусский же сводился до уровня «провинциализма» [28. С. 745].

А.Н. Пыпин считал принципиально важным рассматривать малорусский народ как самостоятельное этническое образование со своей историей, культурой, литературой и языком. Поэтому любые вопросы, связанные с малорусской этничностью, должны были интерпретироваться аналогично подходам к великорусскому народу. Либеральный публицист указывал на

распространенные в русской консервативной литературе двойные стандарты в отношении национальной проблематики. Выступая с апологетикой русской национальной идентичности, так называемые «народники» связывали ее только с великорусским народом. Любые попытки демонстрации национальных черт и особенностей представителями малорусской культуры и искусства воспринимались как явление не только ненужное, но и вредное. Недоумение А.Н. Пыпина вызывали раздражение и подозрительность к проявлениям малорусского патриотизма как любви к родному краю, «малой родине» [29. С. 249, 250].

Обращаясь к поэзии Т.Г. Шевченко, А.Н. Пыпин подчеркивал, что его поэзия была явлением не только в малорусской, но и во всей русской литературе. Его не устраивало снисходительное признание за малорусской литературой статуса местной, носящей преимущественно фольклорный характер и ориентированной на использование простонародной «низкой» речи. Критики малорусской литературы делали на этой основе вывод о ее бесперспективности и, следовательно, необходимости перехода малорусских писателей и поэтов на использование великорусского языка для включенности в общеевропейские литературные процессы [Там же. С. 261, 262].

Н.И. Костомаров писал об ограничениях, наложенных на использование малорусского языка в литературе, искусстве, образовании, церкви. Выражая понимание важности задачи формирования общерусского литературного языка, ученый не считал, что лучшим способом достижения этой цели будет запрещение использования других языков народов России. Подобные задачи реализуются на протяжении длительного времени через развитие образования, культуры, но при обязательной добровольности приобщения к единому языку, а значит, сохранении возможности развития местных языков. Принудительные меры вызывают обратную реакцию среди малорусской интеллигенции, многие представители которой, ранее равнодушные к родному языку и истории, теперь обратились к их изучению. Крестьянство заметно охладело к церкви и зачастую проявляло враждебность к священнослужителям [30. С. 402, 403, 405].

Комментируя статью Н.И. Костомарова, А.Н. Пыпин выражал полную солидарность с его выводами и указывал на еще один аспект. Малорусская народность проживала не только в пределах Российской империи, но и вне ее. Значительная малорусская диаспора была сконцентрирована в Австрийской Галиции и в Венгрии. В борьбе за сохранение национальной идентичности галицийские русины часто обращались к малорусской литературе и поэзии, рассматривая произведения малорусских авторов и как свое национальное достояние. Либерал считал, что возрождение галицийско-русинской народности в условиях мощного ассимиляторского давления немцев было невозможно «без той нравственно-национальной связи, которая продолжала соединять ее с единоплеменниками за русской границей». Поэтому ограничения, наложенные российским правительством на использование малорусского языка, произвели в Галиции «чрезвычайно тягостное впечатление». Публицист задавался вопросом,

насколько русское правительство, «которое есть политический представитель своей национальности», осознавало вред, наносимый подобной политикой идее общерусского единства [31. С. 407, 408, 410].

Н.И. Костомаров дискутирует с автором «Русского вестника» М.Ф. Де-Пуле, писавшим о бесперспективности развития малорусского литературного языка, ставшего реликтом и сохранившегося только в произведениях Т.Г. Шевченко. Малорусский язык оставался достоянием крестьянства и городских низов. Эти два языка существовали в не пересекавшихся сферах. Народное образование в России должно бы вестись исключительно на великорусском, исходя из интересов как государственного единства, так и малорусского народа, только таким образом имевшего возможность приобщаться к мировой культуре. Н.И. Костомаров утверждал, что малорусский продолжал оставаться родным языком для миллионов малороссиян, и крестьян и интеллигенции, и в силу этого обладал огромным потенциалом для развития [32. С. 435, 436].

А.Н. Пыпин категорически возражает Де-Пуле, считавшему деятельность малорусских писателей «литературным расколом», попыткой насаждения искусственного языка, не имевшего народной, жизненной опоры. Особенно возмущали либерального публициста призывы к усилению административных ограничений на литературную деятельность украинофилов, которых Де-Пуле обвинял в пропаганде сепаратизма [33. С. 439].

В либеральной публицистике проблема обрусения Западного и Юго-Западного краев, так же как в славянофильской, виделась как противостояние с полонизмом. Но либералы не считали правильным производить простую замену польского языка и культуры великорусскими. Среди них зреет понимание самодостаточности малорусской этничности, которую рассматривали как равнозначную великорусской ветвь общерусского народа. При этом русские либералы не готовы были говорить о какой-либо политической автономии Малороссии.

Либеральное народничество, оформившееся как самостоятельное течение в начале 1870-х гг., активно включилось в обсуждение национальных проблем России. Главной силой, с которой сталкивался русский национализм, И.И. Каблицу виделась не этнографическая самобытность российских народностей, а остатки былых национальных гегемоний на территориях, когда-то отвоеванных у других многонациональных империй. Здесь «российский проект» сталкивался с альтернативными. В подобных ситуациях борьбу против шведского, польского и немецкого влияния народник представлял не как замену его русским, а как помощь в возрождении местных традиционных языка и культуры [Там же. С. 352, 353]. Утверждая необходимость вытеснения чуждого влияния в национальных регионах, И.И. Каблиц уже не призывает к толерантности — наоборот, упрекает российскую элиту в недостаточной активности, что в ряде случаев создавало угрозу безопасности государства [Там же. С. 361, 362].

С.Н. Южаков демонстрировал несколько иной взгляд на развитие ситуации в Западном крае, включаемом элитами обоих народов в сферу своих жизненных интересов. При этом и с польской, и с русской стороны

уже сложились стереотипы восприятия оспариваемых земель как соответственно польских и русских на основе исторического права. Но С.Н. Южаков ставил под сомнение логичность и нравственность апелляции к «археологической точке зрения», основанной на договорах и документах ушедших эпох, когда речь идет о судьбах живых людей. Равно не устраивала его и точка зрения национализма, пытавшегося определить национальные территории на основе языкового критерия. Польские националисты определяли языковой ареал на основе предпочтений высших слоев общества, и тогда его восточная граница совпадала с государственной границей Речи Посполитой до раздела 1772 г. Русские националисты считали сферой распространения польского языка только те районы, где на нем говорило большинство населения, что выводило за рамки польских притязаний не только малоросские и литовские, но и собственно польские земли. Народник подчеркивал полную бесперспективность подобных споров, предлагая отказаться от «объективных точек зрения» и обратиться к субъективным, а именно попытаться понять «собственно желания населения» Западного края [34. С. 163, 164].

Этнополитические процессы, происходившие в этом регионе, он рассматривал как сложное взаимодействие множества разнонаправленных сил. Определяющую роль играли полонизация и русификация. В обоих случаях это было результатом воздействия мощной польской и русской культур, опиравшихся на высоко развитую литературу и искусство. В русификации С.Н. Южаков видел, кроме того, государственную политику принудительного обрусения, направленную на распространение русского языка и культуры административными методами. Но и полонизация, в его представлении, также проводилась «искусственными мерами» [Там же]. Считая вполне естественным и даже полезным сохранение польско-русской культурной конкуренции, публицист настаивал как на противодействии искусственной полонизации, так и на прекращении принудительного обрусения.

Народник в своих работах обращал внимание на появление и усиление нового явления в Западном крае — национального самосознания литовцев, латышей. Приветствуя данный процесс, С.Н. Южаков указывал, что он еще весьма слаб и его судьба в значительной степени зависела от политики, которую будет проводить правительство в Западном крае. Публицист призывал дать равные шансы развитию местных национальных языков и культур, чтобы в противостоянии с польским и русским влиянием они могли доказать свою жизнеспособность. Приобщение и слияние с более развитыми в культурном отношении народами могло быть прогрессивным только в результате естественного этнокультурного, но не государственно-административного воздействия [34. С. 166, 167].

Перспективы укрепления культурной самобытности народа зависели в интерпретации С.Н. Южакова от его исторического опыта в противостоянии чужеродному влиянию, численности. Поэтому будущее литовцев представлялось публицисту неоднозначным. Он в равной степени допускал образование «скромной литовской народности» либо соединение этого племени

«с соседними культурными нациями: польской, русской или немецкой». Потенциал правобережных украинцев в способности противодействовать полонизации виделся ему как значительный. При условии недопущения денационализации в результате русификаторской политики население Правобережной Украины само «отобьется от полонизации» [34. С. 166, 167].

Таким образом, предложения С.Н. Южакова заключались в отказе от использования государственного принуждения в национальном вопросе и предоставлении свободы конкуренции в борьбе национальных культур украинцев, литовцев с польским и русским влиянием.

И.И. Каблиц считал проблему польской независимости ушедшей в прошлое. В 1880-е гг. более острым и актуальным ему виделся «Малоросский вопрос». Обращаясь к истории вхождения Украины в состав Российского государства, публицист подчеркивал неоднозначность данного события. Для Малороссии это была вынужденная мера спасения от польского гнета, но следствием ее стала утрата «национальной политической самобытности» и потеря «той казацкой вольности, которая выковалась под тяжкими ударами польско-шляхетской государственности» [35. С. 373]. Но это, по мнению публициста, не вызвало массового протеста со стороны малороссов. Скорее речь могла идти о сопротивлении казачества утрате традиционных вольностей. Это позволяло говорить о принципиальном отличии отношений Малороссии и России от отношений малороссов к Польше. Тем более по прошествии длительного периода совместного сосуществования народник не видел причин, порождавших стремления к сепаратизму, и возлагал надежду «на ту солидарность, которая связывает все интересы Малороссии и Великороссии, вот уже около двух веков» [Там же. С. 374]. Это позволяло рассматривать взаимоотношения двух народов как самостоятельные вне контекста русско-польских отношений.

Сложность малорусской проблемы заключалась в неадекватном, по мнению И.И. Каблицы, отношении значительной части русской интеллигенции к малорусской языковой и литературной самобытности. Зараженные идеей «большой русской нации», они надеялись на быстрое и неуклонное сближение велико-, бело- и малорусских народов, равно как и их языков и культур. В силу этого отрицалась необходимость в развитии, например, малорусской литературы, более того, считалось, что это только замедляет естественный и прогрессивный процесс распространения русского языка и литературы среди всех ветвей единой русской нации.

Соглашаясь, в принципе, с неизбежностью слияния братских народов и с тем, что использование русского языка как всеобщего способствовало бы духовному развитию этих народов, публицист призывал не торопиться и избегать принудительных мер. Малорусский язык оставался родным для подавляющей части крестьянства, поэтому для развития народного образования необходимо было развитие малорусского литературного языка. Распространение русского языка должно происходить естественным путем. Развитие образования, по мысли народника, неизбежно увеличит прослойку малорусской интеллигенции, которая все боль-

ше будет обращаться к русскому языку для приобщения к передовой русской, а через нее к мировой культуре и литературе. Таким образом, предлагалась странная система двуязычия: на малорусском и белорусском «племенных» языках национальная интеллигенция будет общаться с народом, а используя «общерусский» – приобщаться к «верхушкам человеческого знания» [35. С. 365, 366, 369].

При всей неоднозначности рассуждений народника важно то, что он настаивал на исключении вариантов любых попыток подавления малорусской национальной литературы и языка. Он намеренно обращается не только к категориям «справедливости-несправедливости» в оценке действий правительства, но прежде всего к целесообразности национальной политики. С этой точки зрения попытки административными мерами сдерживать развитие малорусского языка выглядели бессмысленными еще и в силу наличия регионов компактного проживания малороссов вне пределов Российского государства.

И.И. Каблиц констатировал превращение австро-венгерской Галиции в мощный центр малорусской литературы и предупреждал, что дальнейшая дискриминация приведет к перемещению центра малорусской духовности из России: «И остается большим вопросом: выгодно ли это для общерусского дела и русского государства» [Там же. С. 370].

Кроме того, существовала опасность, о которой народник не перестает напоминать: попытки подавления национальных движений всегда приводят к их радикализации. Он настаивал на необходимости отличать национальное этнографическое движение в Малороссии от радикального политического течения, выступавшего за политическую независимость – «малорусской революционно-социалистической партии». Последняя использовала национальные лозунги для достижения своих целей, но «систематическое угнетение национального инстинкта, стремящегося удовлетворить этнографические свои потребности, может в конце концов выдвигать мысль о необходимости политического сепаратизма – так как иначе нельзя добиться удовлетворения национальных инстинктов» [Там же. С. 372]. И.И. Каблиц не исключал возможности сращивания политического экстремизма и национализма как самого неблагоприятного развития событий в результате ошибочного выбора национальной политики правительства Российской империи.

Итак, народники-реформаторы были близки к либеральному дискурсу в рассмотрении проблем западных окраин Российской империи. В то же время они акцентировали больше внимания на социально-экономических аспектах, предполагая сглаживание национального противостояния в ходе развития капитализма с его универсальными наднациональными ценностями. Кроме того, они более настойчиво обращали внимание на формирование собственных национальных интересов народов Западного края, которые необходимо было учитывать в национальной политике государства.

В целом западные окраины Империи находились в центре внимания российской общественной мысли. В 1850–1860-е гг. доминировавшей была, безусловно, польская проблема, которая всеми направлениями вос-

принималась как противостояние двух национальных проектов, взаимоисключавших друг друга. В конце 1860-х гг. из польского вопроса постепенно выделился как самостоятельный малорусский вопрос. До этого малорусы рассматривались только как объекты борьбы с полонизмом. Первоначально даже славянофилы приветствовали деятельность малорусской интеллигенции по развитию народной культуры и языка, видя в них союзников в противостоянии с поляками. Но как только появились претензии на признание самостоятельности

малорусской этничности, не производной от великорусской, а равнозначной ей, отношение славянофилов и имперцев к малорусской интеллигенции стало враждебным. Они не готовы были к восприятию украинцев как сформировавшейся отдельно от русских нации, воспринимая эту идею как происки поляков и немцев, стремившихся к расколу единой русской народности. Либералы и народники-реформаторы готовы были признать украинцев состоявшейся нацией, но без претензий на политическую самостоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Каково должно быть место Поляков в Украине // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 176–184.
2. Аксаков И.С. Еще о польских притязаниях на Западно-русский край // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 32–44.
3. Аксаков И.С. По поводу притязания Поляков на Литву, Белоруссию, Волынь и Подолию // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 16–21.
4. Аксаков И.С. Обязанности русского общества в Польском вопросе // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 150–154.
5. Аксаков И.С. Ответ на письмо, подписанное «Белорусс» // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 13–15.
6. Аксаков И.С. Задачи России в Западном крае // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 498–506.
7. Аксаков И.С. О «порядке», как его понимает газета «Вести» // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 507–512.
8. Аксаков И.С. Украинско-польский бред «Тараса Воли» // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 483–491.
9. Аксаков И.С. Об украинофильской агитации львовской газеты «Дело» // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 596–610.
10. Аксаков И.С. Польский ли город Киев? // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 3. С. 559–567.
11. Ламанский В.И. Национальная бестактность // Геополитика панславизма. М. : Институт русской цивилизации, 2010. С. 615–634.
12. Катков М.Н. Об обязательном выкупе крестьян и продаже польских имений в Западном и Юго-Западном крае // Московские Ведомости. 1863. 22 августа
13. Катков М.Н. Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края // Московские ведомости. 1863. 16 сентября
14. Катков М.Н. Передовая статья // Московские ведомости. 1865. № 153. 13 июля
15. Катков М.Н. Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края // Московские ведомости. 1863. 2 сентября
16. Катков М.Н. Сплошное польское землевладение и мелкая шляхта как главная язва Западного и Юго-Западного края // Московские ведомости. 1863. 5 сентября
17. Катков М.Н. Значение и сфера военной диктатуры в Западном крае // Московские Ведомости. 1864. № 30. 5 февраля
18. Катков М.Н. Польский вопрос в Западном крае (по письму поляка из Киева) // Московские Ведомости. 1863. 5 октября
19. Катков М.Н. Народное движение в девяти губерниях Западного края есть движение патриотическое, а не сословное. Необходимость поднять православное духовенство в этих губерниях // Московские Ведомости. 1863. 11 октября
20. Катков М.Н. Передовая статья // Московские Ведомости. 1864. 8 января.
21. Катков М.Н. Русский язык как язык религии в западном крае для его обрусения // Московские ведомости. 1866. 1 февраля.
22. Катков М.Н. Украинофильские затей // Московские Ведомости. 1863. 3 сентября
23. Катков М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами // Московские ведомости. 1863. 21 июня.
24. Катков М.Н. Противодействие украинофилов // Московские Ведомости. 1866. 7 мая.
25. Катков М.Н. Опасность украинофильства и его беспочвенность // Московские ведомости. 1864. 6 февраля.
26. Пытин А.Н. Эпизоды из литературных отношений малорусско-польских // Вестник Европы. 1886. № 2. С. 725–770.
27. Драгоманов М.П. Восточная политика Германии и обрусение // Вестник Европы. 1872. № 2. С. 183–241.
28. Пытин А.Н. Спор между южанами и северянами. Вопрос о малорусском языке // Вестник Европы. 1886. № 4. С. 736–776.
29. Пытин А.Н. Русские сочинения Шевченко // Вестник Европы. 1888. № 3. С. 246–286.
30. Костомаров Н.И. Малорусское слово // Вестник Европы. 1881. № 1. С. 401–406.
31. Пытин А.Н. Малорусско-галицкие отношения // Вестник Европы 1881. № 1. С. 407–408.
32. Костомаров Н.И. По поводу статьи де Пуле в «Русском вестнике» об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 434–437.
33. Пытин А.Н. К спорам об украинофильстве // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 438–441.
34. Южаков С.Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 9. С. 150–175.
35. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб. : Тип. И.А. Лебедева, 1893. Т. 2. 509 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 мая 2014 г.

UKRAINIAN QUESTION IN THE RUSSIAN SOCIAL THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal. No. 384 (2014), 107-115. DOI: 10.17223/15617793/384/19

Kudriashev Viatcheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvn62@sibmail.com

Keywords: Ukrainophilia; Polonism; Russification; Slavophiles; Imperials; liberals; populist reformers.

"Ukrainian question" formed in the Russian social thought of the 19th century as derived from the "Polish question" and originally accented fighting Polonism in the Western Territory. Western suburbs were the focus of the Russian social thought. In the 1850s-1860s, of course, the Polish problem was dominating. It was perceived as a confrontation between two mutually exclusive national projects. At the end of the 1860s the Little Russian question separated from the Polish question. Prior to that, Little Russians were regarded only as objects to combat Polonism. Initially even the Slavophiles welcomed the work of the Little Russian intelligentsia on the development of traditional culture and language seeing them as allies in the confrontation with the Poles. But as soon as the claim for recognition of

independence of the Little Russian ethnicity, not derived from the Great Russian but equal to it, the Slavophiles' and the Imperials' attitude to the Little Russian intelligentsia became hostile. They were not ready to perceive Ukrainians as a nation formed separately from Russians perceiving this idea as the work of the Poles and Germans who wanted to split a single Russian nationality. In the 19th century nationalist literature established a view on the fate of the indigenous western suburbs of the Russian Empire that were stable and universal both for the Slavophiles and for the Imperials. In this aspect, the Slavophiles and the Imperials thought alike. These lands were considered not only as a part of the Russian state, but also as part of the historical area of residence of the Russian nationality. Little Russians were perceived as a part of the Russian people, and for them Russification meant a return to the historical roots, i.e. rejection of national languages in favor of Russian, return to Orthodoxy (for Catholics and Uniates). Liberal journalism, as well as the Slavophiles, saw the problem of Russification of the Western and Southwestern region as a confrontation with Polonism. But liberals thought it was not right to produce a simple replacement of the Polish language and culture with the Great Russian. They develop an understanding of self-sufficiency of the Little Russian ethnicity which was considered a branch of an all-Russian people tantamount to the Great Russians. At the same time Russian liberals were not ready to talk about any political autonomy of Ruthenia. Populist reformers were close to the liberal discourse in addressing the challenges of the western suburbs of the Russian Empire. At the same time they placed an increased emphasis on the socio-economic aspects, suggesting to smooth National Resistance in the development of capitalism, with its supranational universal values. In addition, they drew more attention to the formation of their own national interests of the peoples of the Western Region which had to be taken into account in the national policy of the state.

REFERENCES

1. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 176-184.
2. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 32-44.
3. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 16-21.
4. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 150-154.
5. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 13-15.
6. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 498-506.
7. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 507-512.
8. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 483-491.
9. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 596-610.
10. Aksakov I.S. *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols.]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1886. Vol. 3, pp. 559-567.
11. Lamanskiy V.I. *Geopolitika panslavizma* [Geopolitics of Pan-Slavism]. Moscow: Institute of Russian Civilization Publ., 2010, pp. 615-634.
12. Katkov M.N. Ob obyazatel'nom vykupe krest'yan i prodazhe pol'skikh imeniy v Zapadnom i Yugo-Zapadnom krae [On the mandatory redemption of the Polish peasants and selling Polish estates in the West and South-West region]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, August 22.
13. Katkov M.N. Sploshnoe pol'skoe zemlevladienie i melkaya shlyakhtha kak glavnaya yazva Zapadnogo i Yugo-Zapadnogo kraya [Polish continuous tenure and petty gentry as a major plague of the Western and Southwestern Region]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, September 16.
14. Katkov M.N. Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie Vedomosti*, 1865, no. 153, July 13.
15. Katkov M.N. [Polish continuous tenure and petty gentry as a major plague of the Western and Southwestern Region]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, September 2.
16. Katkov M.N. [Polish continuous tenure and petty gentry as a major plague of the Western and Southwestern Region]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, September 5.
17. Katkov M.N. Znachenie i sfera voennoy diktatury v Zapadnom krae [The meaning and scope of the military dictatorship in the Western Territory]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, no. 30, February 5.
18. Katkov M.N. Pol'skiy vopros v Zapadnom krae (po pis'mu polyaka iz Kiev) [The Polish question in the Western Territory (according to the letter of a Pole from Kyiv)]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, October 5.
19. Katkov M.N. Narodnoe dvizhenie v devyati guberniyakh Zapadnogo kraya est' dvizhenie patrioticheskoe, a ne soslovnoe. Neobkhodimost' podnyat' pravoslavnoe dukhovenstvo v etikh guberniyakh [People's Movement in the nine provinces of the Western Territory is a patriotic movement, and not the social class one. The need to raise the Orthodox clergy in these provinces]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, October 11.
20. Katkov M.N. Peredovaya stat'ya [Editorial]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, January 8.
21. Katkov M.N. Russkiy yazyk kak yazyk religii v zapadnom krae dlya ego obruseniya [Russian as the language of religion in the Western Territory for its Russification]. *Moskovskie Vedomosti*, 1866, February 1.
22. Katkov M.N. Ukrainofil'skie zatei [Ukrainophile venture]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, September 3.
23. Katkov M.N. Sovpadeniye interesov ukrainofilov s pol'skimi interesami [Common interests of Ukrainophiles with Polish interests]. *Moskovskie Vedomosti*, 1863, June 21.
24. Katkov M.N. Protivodeystviye ukrainofilov [Countering Ukrainophiles]. *Moskovskie Vedomosti*, 1866, May 7.
25. Katkov M.N. Opasnost' ukrainofil'stva i ego bespochvennost' [Danger of Ukrainophilia and its groundlessness]. *Moskovskie Vedomosti*, 1864, February 6.
26. Pypin A.N. Epizody iz literaturnykh otnosheniy malorussko-pol'skikh [Episodes of literary Little Russia-Polish relations]. *Vestnik Evropy*, 1886, no. 2, pp. 725-770.
27. Dragomanov M.P. Vostochnaya politika Germanii i obruseniye [East policy of Germany and Russification]. *Vestnik Evropy*, 1872, no. 2, pp. 183-241.
28. Pypin A.N. Spor mezhdu yuzhanami i severyanami. Vopros o malorusskom yazyke [Dispute between Southerners and Northerners. Question of the Little Russian language]. *Vestnik Evropy*, 1886, no. 4, pp. 736-776.
29. Pypin A.N. Russkie sochineniya Shevchenka [Russian works of Shevchenko]. *Vestnik Evropy*, 1888, no. 3, pp. 246-286.
30. Kostomarov N.I. Malorusskoe slovo [The Little Russian word]. *Vestnik Evropy*, 1881, no. 1, pp. 401-406.
31. Pypin A.N. Malorussko-galitskie otnosheniya [Little Russian-Galician relations]. *Vestnik Evropy*, 1881, no. 1, pp. 407-408.
32. Kostomarov N.I. Po povodu stat'i de Pule v "Russkom vestnike" ob ukrainofil'stve [On the article by de Pula in the Russkiy Vestnik about Ukrainophilia]. *Vestnik Evropy*, 1882, no. 5, pp. 434-437.
33. Pypin A.N. K sporam ob ukrainofil'stve [On disputes on Ukrainophilia]. *Vestnik Evropy*, 1882, no. 5, pp. 438-441.
34. Yuzhakov S.N. Dnevnik zhurnalista [Diary of a journalist]. *Russkoe bogatstvo*, 1897, no. 9, pp. 150-175.
35. Yuzov (Kablits) I. *Osnovy narodnichestva* [Basics of populism]. St. Petersburg: Tip. I.A. Lebedeva Publ., 1893. Vol. 2, 509 p.

Received: 20 May 2014